

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.4.2>

Бурдун Светлана Владимировна

Концепты МАТЬ, ОТЕЦ, ДЕТИ как репрезентанты мира "своих" (на материале кубанской фразеологии)

В статье рассматриваются концепты ОТЕЦ, МАТЬ, ДЕТИ в контексте кубанской фразеологии. Цель исследования - выявить наряду с понятийным содержанием данных концептов приращённые значения эксплицирующих их лексем, а также определить их значимость в отношении к категории "свой - чужой". Научная новизна заключается в том, что вербализация концептов ОТЕЦ, МАТЬ, ДЕТИ во фразеологическом фонде Кубани ранее не рассматривалась. Получены выводы о том, что репрезентация данных концептов во фразеологии имеет свою региональную специфику и указывает на разную значимость концептов с точки зрения дихотомии "свой - чужой".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/4/2.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 4. С. 13-18. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81.371

Дата поступления рукописи: 26.02.2020

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.4.2>

В статье рассматриваются концепты ОТЕЦ, МАТЬ, ДЕТИ в контексте кубанской фразеологии. Цель исследования – выявить наряду с понятийным содержанием данных концептов приращённые значения эксплицирующих их лексем, а также определить их значимость в отношении к категории «свой – чужой». Научная новизна заключается в том, что вербализация концептов ОТЕЦ, МАТЬ, ДЕТИ во фразеологическом фонде Кубани ранее не рассматривалась. Получены выводы о том, что репрезентация данных концептов во фразеологии имеет свою региональную специфику и указывает на разную значимость концептов с точки зрения дихотомии «свой – чужой».

Ключевые слова фразы: языковая картина мира; концепт; концептуальный признак; приращённое значение; кубанская фразеология; фразеологическая единица; лексема; лексико-семантический вариант.

Бурдун Светлана Владимировна

*Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков имени Героя Советского Союза А. К. Серова
010670@bk.ru*

Концепты МАТЬ, ОТЕЦ, ДЕТИ как репрезентанты мира «своих» (на материале кубанской фразеологии)

Усиление интереса к изучению региональных языковых картин русскоязычного мира способствовало появлению исследований, раскрывающих специфику говоров и диалектов отдельных регионов нашей страны. К числу недостаточно изученных в этом отношении субэтносов относится кубанское казачество, поскольку «кубанский диалект, будучи диалектом позднего, вторичного образования, складывался на базе двух стихий – южнорусской и украинской» и представляет собой «сложный диалектный континуум» [3, с. 4]. **Актуальность** данной статьи обусловлена необходимостью детального изучения языковой картины мира кубанского казачества для расширения нашего представления об укладе жизни этого сообщества, о бытовавших в нём морально-этических и нравственных нормах, поскольку «язык, по сути дела, представляет собой организованную классификацию человеческого опыта» [13, с. 65].

Необходимым этапом изучения локальной языковой картины мира считаем исследование фразеологического фонда Кубани. Совместное проживание на одной территории разных этносов привело к тому, что кубанская фразеология включает в себя русские, украинские и заимствованные у кавказских народов пословицы, поговорки, идиомы и афоризмы. В данной статье в качестве **объекта** рассмотрения выступают устойчивые народные речения, включающие имена концептов ОТЕЦ, МАТЬ, ДЕТИ. **Предметом** исследования являются лексико-семантические варианты и приращённые значения этих лексем, входящие в сложноструктурированный концепт СВОЙ – ЧУЖОЙ и выражающие представления о «своих людях».

Источниками материала послужили сборники, имеющие в названии указание на региональную принадлежность фразеологических единиц: «Пословицы, поговорки и загадки Кубани» Л. В. Мартыненко и И. В. Уваровой [11], «Фразеологический словарь говоров Кубани» В. И. Андрущенко, Р. Я. Ивановой, Т. Г. Ивановой, В. М. Пелих [1], авторский словарь П. И. Ткаченко «Кубанские пословицы и поговорки» [16], «Словарь говора казачьего населения станицы Отрадной Краснодарского края» С. Д. Мастепанова [14], «Опыт словаря кубанских говоров» О. Г. Борисовой [4], а также диссертация «Историко-лингвистический анализ фразеологии кубанского казачества, отражающий его историю, быт и духовную культуру» В. П. Чалова [17].

Научная новизна исследования заключается в том, что автор рассматривает репрезентацию названных концептов в локальной языковой картине мира кубанских казаков на материале региональной фразеологии. Материал исследования составил 99 фразеологических единиц (ФЕ).

Цель статьи – выявить особенности репрезентации имён концептов ОТЕЦ, МАТЬ, ДЕТИ в кубанской фразеологии, определить их значимость в языковой картине мира кубанских казаков и место каждого концепта в смысловом пространстве между полюсами бинарной семантической категории «свой – чужой».

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**: 1) отобрать методом сплошной выборки фразеологические единицы, включающие основные вербальные экспликативы концептов ОТЕЦ, МАТЬ, ДЕТИ; 2) провести сопоставительный анализ отобранных фразеологических единиц; 3) выделить основные семантические компоненты в структуре концептов и проанализировать языковые средства их репрезентации; 4) определить значимость реализованных концептуальных смыслов по отношению к семантической категории «свой – чужой».

В исследовании применялись следующие **методы**: метод сплошной выборки и количественной обработки материала, метод компонентного анализа и интерпретации, а также лингвокультурологический метод для выявления связи между языковым и культурным материалом.

Практическое использование результатов исследования возможно на занятиях по кубановедению и лекциях по культуре Кубани, на результаты работы можно опираться при анализе других концептов, входящих в концептосферу «семья».

В Малом академическом словаре под редакцией А. П. Евгеньевой (далее МАС) пятое значение полисемантической лексемы «свой» толкуется следующим образом: «...родной или связанный близкими отношениями,

совместной работой, общими убеждениями» [15, т. 4, с. 56]. Это значит, что лексемой «свой» маркируется социальное пространство, в котором «“Я” социального субъекта представлено как приоритетный центр ближайшего... людского окружения, включающего семейный и родственный круг...» [8, с. 51]. А. Вежбицкая, разрабатывая теорию семантических универсалий и утверждая, что концепт РОДНЫЕ представляет собой «важную русскую категорию мысли», пишет: «Родные человека – это люди, связанные с ним узами, которые нельзя разорвать, и ценимые, и нежно любимые им как неотъемлемая часть его жизни и его идентичности, люди, к которым он в некотором смысле “прикреплён” как экзистенциально, так и эмоционально» [5, с. 142].

Центральными репрезентантами мира «родных людей», «своих» являются концепты ОТЕЦ и МАТЬ: имена этих ближайших человеку кровных родственников содержат в своей семантике идею свойственности, о чём свидетельствуют данные толковых словарей.

В МАСе лексема «мать» имеет четыре значения: «1. Женщина по отношению к рождённым ею детям. 2. Самка по отношению к своим детёнышам. 3. Обращение к лицу женского пола. 4. Название монахини, а также жены духовного лица» [15, т. 2, с. 238]. В собранном нами материале насчитывается 33 ФЕ с вербальными экспликаторами концепта МАТЬ, из них 13 представлены лексемой «мать», 9 – лексемой «маты», 5 – лексемой «матка», 1 – «матерь», 2 – «матушка», в трех фразеологических контекстах концепт МАТЬ эксплицируется дериватом «материнский» (*материнская любовь, материнская забота, материнская тоска*). Практически во всех контекстах приведённые лексемы выражают первое прямое словарное значение слова «мать». Вместе с тем во фразеологических контекстах эксплицируется и ряд дополнительных смысловых компонентов, которые являются знаковыми как для русской языковой картины мира в целом, так и для языковой картины мира кубанских казаков.

Мать – центр русской и кубанской семьи. В своём исследовании Е. В. Литус отмечает, что мать в культуре любого народа – доминирующий образ. Мать издавна считается хранительницей домашнего тепла и любви. Первый человек, которого видит и чувствует ребенок, – это мать, первые телесно-эмоциональные контакты с ней развивают у него ассоциации с добром, лаской, нежностью. При тесном общении с ней к ребёнку приходит «первое осознание себя как личности, своего места в семье, а позже в обществе» [9, с. 190]. Изучение собранного нами фразеологического материала показало, что значимость матери для детей в паремиях определяется выше значимости отца: *Кто отца оскорбит – осудит народ, кто мать оскорбит – нищим умрёт* [11, с. 20]. *Без отца полсирота, а без матери и вся сирота* [Там же]. Ребёнка, рождённого без отца, в кубанских станицах называли «безбатьковщина», сироту же, не имеющего родителей, – «безматерный». Следовательно, одним из смысловых компонентов лексемы «мать» можно считать её «ценность, значимость» для каждого человека: *Матерь почитайте, як на цэркви главу* [Там же]. В данном контексте ценностный компонент лексемы *матерь* проявляется в значении «уважаемый, почитаемый человек».

Мать необходима своим детям, как свет, как жизнь. *Нимае у тэбэ маты, нима тоби свиту* [4, с. 230]. *Родную мать никем не заменишь* [14, с. 143]. *Птица рада весне, а дитя матери* [Там же, с. 133]. Важность, ценность матери выражается с помощью метафорического сравнения с пчелиной маткой, без которой погибает весь рой. *Пчёлки без матки – пропавшие детки* [11, с. 19]. *Без матки рой не держится* [Там же].

Мать – добрый, жалеющий человек. *Спасибо, матка, за пэрэхватку, а обидать – дали* [16, с. 135]. *Пры солнышки тило, а пры матури дабро* [Там же, с. 74] (здесь ассоциативно возникают семы тепла и света). *Родная мать высоко замахивается, да не больно бьёт* [11, с. 20]. *Маты одною рукою бье, а другою гладе* [4, с. 230]. В двух последних примерах выражается сема «наказание», при этом вторая часть пословиц нивелирует негативную коннотацию первой части, актуализируя значение «жалующая», поскольку «предикаты с противоположной аксиологической маркировкой могут быть в равной степени истинны относительно своего субъекта, но не равноценны с точки зрения того количества “аксиологических очков”, которое им сопоставляется» [2, с. 197].

«Материнская любовь», «материнское тепло», «материнская забота», «материнское сердце» несут в себе универсальную, общекультурную константу, эксплицируя значение «постоянство, бесконечность» проявляемых матерью чувств: *Материнская ласка конца не знает. Материнская забота в огне не горит и в воде не тонет. Всякой матери своё дитя мило* [11, с. 19-20]. Неслучайно представление о жизни в заботе и внимании иносказательно воплотилось во фразеологизме *как за родной матерью* [1, с. 133].

Мать также является защитой, силой и правдой для своих детей. *Мать своим детям – покрывка: всё покроет, де так, де не так* [17, с. 169]. *Була сыла, як маты на руках носыла* [16, с. 159]. *Пока маты е, то и правда е* [11, с. 19]. Умение накормить и защитить своих детей отразилось в метафорическом образе «доброй наседки»: *Добрая наседка одним глазом зерно видит, а другим – кориуна* [Там же, с. 20].

Мать верит в детей и надеется на них: *Ражала мать – радалася: кармилиц будить* [16, с. 74]. Доля матери – переживание, она часто «льёт слёзы», «тужит», «тоскует» из-за детей. *Дивчата шьют и спивают, а маты поре и плаче* [Там же, с. 113]. *Маты плаче, а дочка скаче* [Там же, с. 122]. *Нэ тужи, маты, по чужому дитяти* [Там же, с. 128]. *Материнская тоска конца не знает* [11, с. 19].

Употребление лексемы «мать» в составе фразеологизмов, используемых как ругательства (*послать по матушке* [1, с. 133], *матери твоей арбуз печёный* [Там же], *матери твоей чёрт* [4, с. 229], *матэри вашей дудка* [16, с. 150]), можно расценить как желание сильнее обидеть другого человека, оскорбительно высказываясь относительно его матери. Образ чужой матери метафорически воплощается с помощью зооморфных компонентов «свиньи» или «суки». *Знае свэня свае парося* [Там же, с. 128]. *Дождалась сучка помощи – сама лэжить, а цуценята гавкають* [Там же, с. 113]. Если же ребёнок недостойно себя ведёт, то его поведение сразу отражается в негативном отношении окружающих к матери: *Яка мамка, така и лялька* [Там же, с. 142]. И даже в этих негативно окрашенных паремиях выражаются приращённые смыслы «понимание своих детей» и «близость к детям».

Таким образом, в рассмотренных фразеологических контекстах мать становится символом постоянного, нескончаемого добра, любви, ласки, жалости. Мать является светом, теплом, защитой, правдой, силой, надеждой на лучшее будущее для своих детей, близким, родным, почитаемым человеком. Забота и любовь заставляют мать страдать и переживать. Это значит, что главная роль в отношениях с детьми принадлежала матери, образ матери чист, священен, ценен и необходим, в народном сознании «мать» занимает центральное место в мире «своих». А. Н. Серебренникова отмечает: «Ребёнок растёт возле матери, она является главной единицей семьи, центром детского мира... Семейная роль отца менее заметна, поскольку он не несёт такой эмоциональной и психологической нагрузки...» [12, с. 133]. О высокой значимости матери свидетельствует и образное переосмысление лексем «мать», «маты», «матушка», которыми номинируется самое дорогое: *Родина – наша мать, умей за неё постоять* [11, с. 73]. *Береги землю родимую, как мать любимую* [Там же]. *Родимая сторонюшка – матушка, а чужая мачеха* [Там же]. *Кубань – ридна наша маты* [Там же]. *Своя хатка – родная матка* [Там же]. *Сич – мати, а Луг – батько* [17, с. 43]. *Матушка-рожь кормит всех сплошь, а пшевица – по выбору* [11, с. 50]. *Хлеб – батюшка, картошка – матушка* [Там же, с. 70]. В этих устойчивых речениях с окраской торжественности образ матери, матушки символически сопрягается с образами родины, родной земли, родного дома, необходимых для жизни продуктов питания. По справедливому замечанию С. Е. Никитиной, в такой «почтительной номинации главных элементов мира» используются и слова «отец», «батюшка», «батько», и выбор слов-символов «зависит только от грамматического рода существительного, которое они характеризуют. Для характеристики существительного женского рода употребляется слово *мать*, для существительных среднего и мужского рода – *отец*» [10, с. 146].

В отобранном нами материале концепт ОТЕЦ представлен 31 ФЕ. Лексема «отец» в Малом академическом словаре имеет шесть лексико-семантических вариантов: «1. Мужчина по отношению к своим детям. // Устар. О том, кто заботится о ком-л. (находящемся в зависимости, подчинении), покровительствует кому-л. 2. Предшествующее поколение, предки. 3. *мн. ч.* Наиболее почётные и уважаемые лица, стоящие во главе чего-либо. 4. *перен.* Родоначальник, основоположник чего-либо. 5. *прост.* Обращение к пожилому мужчине. 6. Употребляется при названии лиц духовного звания, а также при обращении к ним» [15, т. 2, с. 677].

Интересно, что в сборниках кубанской фразеологии лексема «отец» встречается только в трёх народных речениях, причём в сочетании с лексемой «мать». *Кто отца оскорбит – осудит народ, кто мать оскорбит – нищим умрёт* [11, с. 20]. *Без отца полсирота, а без матери и вся сирота* [Там же]. *Не те мать, отец, кто родил, а те, кто вскормил, вспоил, да добру научил* [Там же]. Отметим, что данные пословицы входят в общерусский пословичный фонд и не являются собственно кубанскими. Основным вербализатором концепта ОТЕЦ на Кубани является лексема «батько», которая представляет данный концепт в 24 ФЕ. Ещё в двух пословицах образ отца выражен имплицитно: *Умел дитя родить, умей и научить* [Там же, с. 19]. *Учи казачьего сына на коня садиться, да с татарами биться* [Там же, с. 30]. Лексема «отец» употребляется во фразеологических контекстах только в первом своём словарном значении, тогда как «батько» может представлять 1) мужчину по отношению к своим детям; 2) статус казака; 3) лицо духовного звания.

Исследователь социальной роли отца в кубанских семьях В. В. Воронин указывает на то, что в жизни казака много времени занимала воинская служба, поэтому «в раннем возрасте ребенка казак-отец не только не вмешивался в его воспитание, но и не помогал жене по уходу за ним: “Папы у нас казаки. Папы не занимались детьми”» [7].

Несущие службу казаки часто отсутствовали дома, и близким приходилось их подолгу ждать, приговаривая в утешение себе: *Зима-лито, зима-лито и батько дома* [16, с. 118]. В данном контексте с помощью повтора наименований времён года актуализируется семантика скорого течения времени, делающего долгую разлуку не слишком тяжёлой. Во второй части поговорки воплощается мечта домашних о возвращении главы семейства в лоно семьи.

Если мать – это сердце семьи, её удел – любовь, переживание, то отец – это глава семьи, её воля, поэтому его авторитет непререкаем: *Як батько сказал – так и будэ* [11, с. 20].

Иногда лексема «батько» получает обобщённое значение «родители», что свидетельствует о главенствующей роли отца в семье: *Коляд, коляд, колядын, я у батька одын. Мэнэ нэ пытайте, ковбасы давайтэ* [16, с. 160]. *Спасиба тваиму батьки* (ироничная благодарность родителям) [14, с. 119]. *Я ж нэ такый, як у мого батька дитэ* (где батька – главный представитель всей семьи) [16, с. 142]. *Батька в наймах нэ нажалиеш* (о сложности заботиться о родителях, живя где-то далеко) [Там же, с. 105]. Родители должны жить с сыном и быть под его опекой. В данном контексте лексема «батько» эксплицирует образ «своего», а слово «наймы» – образ чужого места.

Батько – «учитель, наставник». *Як батько робыв, так и тэбэ учив* [Там же, с. 142]. *Умел дитя родить, умей и научить* [11, с. 19]. *Учи казачьего сына на коня садиться, да с татарами биться* [Там же, с. 30]. Имплицитно здесь присутствует дополнительное значение – «пример для детей». Ещё одним свидетельством ведущей роли отца в жизни семьи являются устойчивые речения, говорящие о внешнем и внутреннем сходстве детей с их родителем: *Якэ дэрэво, такый и тын, якый батько, такый и сын* [Там же, с. 19]. *Як сам сукын сын, таки и його диты* [16, с. 144]. Отец, как и мать, ответственен за воспитание своих детей. *Не те мать, отец, кто родил, а те, кто вскормил, вспоил, да добру научил* [11, с. 19]. Правильное воспитание ставится выше кровного родства. Если отец неудачно справляется со своими обязанностями, он становится объектом агрессивного поведения детей: *Диты подросли, батька розтрясла* [16, с. 113].

Лексема «батько» встречается и в иносказательных эмоционально окрашенных выражениях. Так, фразеологизм *нэ ридному батькови, нэ за готови гроши* [Там же, с. 127] употребляли при решительном отказе

в значении «никому и ни за что». Здесь сочетание «ридный батько» служит для обозначения крайней степени категоричности отказа. Значимость «родного отца» как очень важной фигуры для человека помогает показать, что отказ бесповоротный.

Устойчивое сочетание «батька вмэр» является компонентом фразеологических контекстов, выражающих иронию, насмешку. Так, о богатом столе вечно приbedняющихся людей говорят: *Як батько вмэр, так люды поназносилы* [Там же, с. 142]. О чём-то припрятанном говорят: *Ха-ха-ха. Батько вмэр, а кысет остався* [14, с. 164]. Недовольство жадностью или невнимательностью родителя выразилось в речении: *Не купи батко шапки, чорт його дері, нехай уши мерзнуть*, – которое стало ироничным выражением досады [17, с. 32]. Примечательно, что такого иронично приниженного образа матери в сборниках кубанских пословиц и поговорок не встречается. Образ матери идеален и аксиологически возвышен.

Образ чужого отца представлен в кубанском бранном фразеологизме *Иродового батьки син* [Там же, с. 158]. В. П. Чалов указывает на то, что номинациями «Ирод», «Хам» на Кубани называли людей, «преступивших нормы морали и совершивших поступки, достойные порицания окружающих» [Там же]. В другом устойчивом выражении: *Сто чертей твоему батьку* [1, с. 12], – выражается злоба, негативное отношение к человеку через пожелание беды его отцу. В этом тоже проявляется тесная связь детей и родителей.

Интересно, что в Запорожской Сечи «присутствовало своеобразное “искусственное” отцовство. Тот, кто вступал раньше в Сечь, имел преимущество перед вступившими позже, поэтому последний называл первого “батьком”, первый последнего “сынком”, даже если “батьку” было 27 лет, а “сынку”, например, сорок» [7]. На наш взгляд, в некоторых кубанских народных речениях реализовалось подобное значение лексемы «батько». Об этом свидетельствует исторический фразеологизм *Знае об тім Головатий Антін: він нам голова, він наш І батько, він нам поголив голови гладко* [17, с. 58], представленный в научном труде В. П. Чалова. Исследователь предположил, что «данная фразеологическая единица иронически характеризовала распространённую в Черноморском войске архаическую систему общественных отношений, главной чертой которых являлось “батьковское” господство старшин» [Там же]. Запорожцы при зачислении в Войско верных казаков должны были сбивать запорожскую чуприну, напоминавшую об их былом своеволии, то есть они должны были покориться воле начальства. Таким образом подчёркивается значимость статуса «батьки», его главенство. Возможно, в значении «высокий статус казака», «опытный воин» лексема «батько» используется и в другом выражении: *Нэ лизь попэрэд батька в пэкло, нэхай він попэрэд попробуе*, где «пэкло» – это «ад» [16, с. 127]. Общий смысл устойчивого выражения таков: «Батько должен первым познать опасность, это ответственность главного перед менее опытными».

Другая пословица: *Стара собачка, да ни батьком звать* [14, с. 119], – говорит о том, что не возраст помогает заслужить почёт и уважение. Статус «батьки» определяет опыт. Значимость и важность статуса «батьки» иронично подчёркивается и в кубанском речении *вора не было, а батька вкрали* [16, с. 55]. Так говорится о неожиданной пропаже чего-то важного, даже в этом ироничном контексте «батько» – представитель «своего» и «значимого».

Наш батько никому ничего нэ должень: у одного взяв – другому отдав [Там же, с. 118]. В данном примере с помощью метафорического переноса «человек» – «батько» выражается ирония по поводу своеволия облечённого властью человека. В то же время это ироничное замечание относится к «своему» человеку, что подчёркивается притяжательным местоимением «наш». *Гуртом и батька лэгшэ быть*, где «батько» – это объект, с которым можно справиться только вместе [Там же, с. 112]. *Кричишь как на батька* (то есть очень громко), чтобы выразить своё негодование и возмущение «батьке», нужна сила голоса [14, с. 104]. В двух приведённых выше примерах *батько* – объект агрессивного отношения, при этом одолеть его нелегко.

«Батька» в значении «священнослужитель» как представитель «своего» мира противопоставлен миру чужого в пословице: *Шо ни поп, то и батька* [Там же, с. 124]. В данной паремии лексема «поп» имеет коннотацию неодобрения и противопоставлена мелиоративно окрашенной лексеме «батька». Народное речение иносказательно передаёт смысл «всё равно», при этом «батька» – это символ «своего мира».

Образы попа и батюшки соотнесены ещё в одном контексте: *У попа-то рукава батюшки, ширина-то, длина матушки* [11, с. 76]. Данная прибаутка является цитатой из песни и шуточно характеризует одежду священнослужителя, сочетающую детали мужской одежды – «батюшки» и женской – «матушки». Здесь лексема «батюшка» эксплицирует смысл «мужское» в противовес «женскому».

Таким образом, концепт ОТЕЦ, представленный в пространстве кубанской фразеологии лексемами «отец», «батюшка», «батько», «батька», включает в себя следующие смыслы: «глава семьи», «статус казака», «лицо духовной иерархии». Центральный семантический компонент концепта «глава семьи» получает следующие приращённые контекстные смыслы: «главный», «учитель», «воспитатель», «ответственный за других», «долго не бывающий дома», «объект заботы», «объект иронии». Семантический компонент «высокий статус» развивает смыслы «главный», «представитель своего мира», «опытный, знающий», «объект иронии», «объект агрессии». В значении «лицо духовной иерархии» концепт включает приращённые смыслы «уважаемый», «представитель своего мира», «лицо мужского пола» (хотя одежда похожа на женскую).

Обобщая вышесказанное, следует отметить, что концепт ОТЕЦ вбирает в себя не только доброжелательное позитивное отношение к субъекту, имеющему этот статус, но и негативные, ироничные и даже агрессивные реакции по отношению к нему. При этом «батька» является представителем мира своих не только в семейных отношениях, но и в других сферах взаимодействия казаков. Возможно, этим обусловлено небольшое количество контекстов, где лексема «батько» сопрягается со словом, обозначающим «мать»: *Куркуль Магомет продав батьку за конфет, а матку за диньку, свою господиньку* [17, с. 58]. В данном примере речь идёт

о чужих родителях. «Чужой» может предать своих родителей, продать их, что неприемлемо среди «своих» и считается бесчестьем.

Видимо, на Кубани миры матери и отца были разграничены и регламентированы. Из-за долгого отсутствия отцов по делам службы на матери держался семейный уклад, а для казаков второй семьёй были их товарищи по оружию. В то же время родителей в кубанских станицах нередко называли составной номинацией «бацько-матерь», проявляющей «сопоставление ряда однородных представлений – простейший вид сопричастия» и указывающей на единство родителей и их неразрывную связь [6, с. 229].

Концепт ДЕТИ как реализатор понятия «свои» представлен 28 ФЕ. Вербальными репрезентантами концепта являются такие лексемы, как *дети* – 8, *диты* – 3, *дитя* – 4, *дитятя* – 1, *дэтына* – 1, *дитятко* – 1, *детки* – 1, *ребёнок* – 1. В толковом словаре лексема «дети» имеет три лексико-семантических варианта: «1. Малолетние. 2. Сыновья или дочери (независимо от возраста). 3. кого чего Люди, кровно связанные с кем-, чем-л., усвоившие характерные черты породившей их среды, обстановки» [15, т. 1, с. 238]. В пословицах, поговорках и фразеологизмах Кубани все вышеприведённые лексемы употребляются во втором значении лексемы «дети».

Основным концептуальным признаком данного понятия, проявляющимся и во всём «своём», является ценность детей для своих родителей, особенно для женщины. *Баба без детей, що сети без рыбы* [11, с. 20]. *Человек нэ на вик, а диты до гроба* [4, с. 435]. В последнем примере присутствует сема «постоянные отношения» между детьми и матерью, которые не заканчиваются вместе с взрослением детей. Дети приносят в дом веселье и радость: *Изба детьми весела* [11, с. 20]. Детей любят все в семье: *У милого дитяти много имён* [Там же]. В детях родители ценят покладистость и незлобливость: *Ласковый тилёнок двух матак са-сёт* [16, с. 66]. Даже в страшном пожелании-проклятии: *не бачить тобі свого дэтыны* [4, с. 95], – проявляется «ценность» детей для своих родителей. Родители стараются защитить детей от всего негативного и утешить их: *Что бы дитя ни делало, лишь бы не плакало* [11, с. 20]. В то же время именно «плач» ребёнка помогает матери понять его нужды, так актуализируется смысл «понимание/непонимание» своего ребёнка: *Дитя не плачет, мать не разумеет* [16, с. 60]. Дети для родителей – это объект научения и воспитания: *Гни дерево, пока гнётся, учи дитятка, пока слушается* [11, с. 30]. *Чему дитя приучишь, то от него и получишь* [Там же]. *Учи ребёнка тогда, когда он поперёк лавочки ложится* [Там же]. Семантика «свойственности» детей по отношению к родителям ярко проявляется в пословице *Якый палець нэ пориж, вин больть* [Там же, с. 20], где используется метафорический образ руки и пальцев как единства семьи и актуализируется смысл «равноценной любви ко всем своим детям». Боль, которую дети приносят заботливым родителям, – это устойчивая ассоциация, связанная с образом детей в народных речениях: *Малые детки – малые бедки* [Там же]. *Малы диткы, малэ и горэ, дитки побильцають – горэ пошириають* [1, с. 29]. *Малы диты спать нэ дають, а вырастуть – сам нэ заснешь* [11, с. 20]. *Малые дети – руки болят, большие – сердце* [Там же]. Страдания и переживания не уходят со взрослением детей, а лишь усиливаются. *Диты подросли, батька розтряслы* [16, с. 113]. В последнем примере показана угроза, которая исходит от повзрослевших детей и направлена на родителей, при этом проявляется семантика отчуждения.

Образ «дитя – калека» воплощает сему «ответственность родителей за детей». *У семи нянек дитя калека* [11, с. 20]. *Калека не родится, а роблется* [Там же]. Таким образом, во фразеологических контекстах предупреждается и осуждается невнимательность и беспечность родителей. Во фразеологизме «глядеть детей» [4, с. 95], обозначающем постоянный досмотр и заботу, имплицитно выражен смысл «ответственность».

Семантика идиом «выйти на детей» [Там же] и «влезть в чужие дети» [Там же] различается своей оценочностью. Первый фразеологизм употреблялся на Кубани, когда говорили о женщине, которая выходила замуж за человека, имеющего малых детей. Она брала на себя ответственность за них. Такая ситуация не осуждается в народном сознании, но отражается в речи как не совсем типичная. Второе устойчивое выражение, «влезть в чужие дети», употреблялось, когда мужчина женился на женщине с детьми, и имело негативную коннотацию с осуждением такого поступка. Сопоставление противоположной оценочности двух выражений позволяет заключить, что в народном сознании для женщины не только родные дети могут быть «своими», чего нельзя сказать о мужчинах.

«Чужими детьми», подвергающимися всеобщему презрению, были прежде всего дети, рождённые вне брака. Существуют пейоративно окрашенные номинации по отношению к внебрачным детям: «выродки», «байстрюки», «краженные дети» [1, с. 67]. *У нас дитэй, яки родюця на сторони, называють «байстрюкамы», ихыхто ны любыв, дажэ прызыралы* [4, с. 24]. Эти эвфемистические наименования постоянно напоминали ребёнку о постыдном поведении его родителей и отчуждали его от мира «своих».

Непослушные, озорные дети тоже имели номинации с семантическим компонентом «чужой»: «дикая дивизия» [1, с. 67], «бисова душа» [Там же, с. 75], «катова душа» [4, с. 111], «хамова душа» [Там же], «собачья душа» [Там же].

Таким образом, дети были объектом любви, радости, заботы, ответственности, воспитания и понимания, при этом они могли приносить и проблемы, боль, горе, беды. В то же время дети могли быть отчуждёнными элементами общества, быть в роли изгоев, неся ответственность за родителей.

Обобщая всё сказанное, следует отметить, что концепты МАТЬ, ОТЕЦ и ДЕТИ в пространстве кубанской фразеологии имеют неодинаковую структуру и представляют разную ценность в аспекте категории «свой – чужой».

Мать является центральной фигурой в мире своих, её ценность и необходимость, с точки зрения детей, выше отцовской. Образ отца находится в тени представлений о матери, а лексема «отец» употребляется только

в сопоставлении с лексемой «мать». Разнообразие вербальных экспликаторов данного концепта (*мать, мамы, матка, матерь, матушка*) свидетельствует не только о смешении русского и украинского языков, но и о ценности данного понятия для носителей кубанского говора. Представления о матери включают в себя в основном мелиоративные коннотации и такие приращённые смыслы, как «близкая детям», «необходимая детям», «защищающая детей», «любящая детей», «переживающая за детей».

Основным репрезентантом концепта ОТЕЦ является лексема «батько». Понятийная основа данного концепта более сложная. Главенство «батьки» актуально для казаков не только в семейных отношениях, но и в иерархии казачьей службы. «Батько» – это, во-первых, «главный», «опытный» и, во-вторых, всегда представитель «своего».

Мать и отец (*батько-матерь, батьки*) неразделимы и воспринимаются как единое целое, они выполняют в семейном окружении разные функции и дополняют друг друга.

Концепт ДЕТИ, как и концепт МАТЬ, имеет большое количество вербальных экспликаторов (*дети, диты, дитятя, дэтына, дитя, дитятко, ребёнок, детки*). В то же время между полюсами «своего» и «чужого» данный концепт находится ближе к периферии мира «своего» и включает в себя не только представления о любви, счастье, ответственности и заботе, но и представления о боли, горе и родительских грехах.

Список источников

1. Андрющенко В. И., Иванова Р. Я., Иванова Т. Г., Пелих В. М. Фразеологический словарь говоров Кубани / Армавир. гос. пед. ун-т. Армавир: РИЦ АГПУ, 2006. 299 с.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
3. Борисова О. Г. Лексика и фразеология современных кубанских говоров как макросистема: модель и её реализация: дисс. ... д. филол. н. Краснодар, 2018. 609 с.
4. Борисова О. Г. Опыт словаря кубанских говоров. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2018. 485 с.
5. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / пер. с англ. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.
6. Венедиктов Г. Л. Внелогическое начало в фольклорной поэтике // Проблемы художественной формы. Русский фольклор. Л.: Наука, 1974. Т. 14. С. 219-238.
7. Воронин В. В. Отец в семье кубанских казаков: статус и функции [Электронный ресурс]. URL: <https://www.yuga.ru/articles/society/4344.html> (дата обращения: 06.02.2020).
8. Кондрашова О. В., Шельдешова И. В. Ограничивающая семантика лексемы «свой» (по толковому словарю В. И. Даля) [Электронный ресурс] // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Филология и искусствоведение». 2018. № 4 (227). С. 47-55. URL: <http://vestnik.adygnet.ru/?2018.4> (дата обращения: 07.02.2020).
9. Литус Е. В. Лексема «мать» в контрастивном словаре народных песен казаков Кубани (опыт составления словарной статьи) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 2. С. 188-193.
10. Никитина С. Е. Отец в своём доме (на материале текстов духовных стихов) // Слово и культура / под ред. Т. А. Агапкиной. М.: Индрик, 1998. Т. 2. С. 138-147.
11. Пословицы, поговорки и загадки Кубани / сост.: Л. В. Мартыненко, И. В. Уварова. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2000. 154 с.
12. Серебrenникова А. Н. Диалектное слово с семантикой «свойственности» – «чуждости» (лингвокультурологический аспект): дисс. ... к. филол. н. Томск, 2005. 213 с.
13. Складывшаяся Г. Н. Метафора в системе языка. СПб.: Наука, 1993. 152 с.
14. Словарь говора казачьего населения станицы Отрадной Краснодарского края / сост. С. Д. Мастепанов. Армавир – Отрадная: Издатель Шурыгин В. Е., 2013. 192 с.
15. Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1985. Т. 1. 696 с.; 1986. Т. 2. 736 с.; 1987. Т. 4. 800 с.
16. Ткаченко П. И. Кубанские пословицы и поговорки. Краснодар: Традиция, 2008. 240 с.
17. Чалов В. П. Историко-лингвистический анализ фразеологии кубанского казачества, отражающий его историю, военный быт и духовную культуру: дисс. ... к. филол. н. М., 1981. 292 с.

Concepts MOTHER, FATHER, CHILDREN as Representatives of “Family World” (by the Material of the Kuban Phraseology)

Burdun Svetlana Vladimirovna

Krasnodar Air Force Institute for Pilots named after Hero of the Soviet Union A. K. Serov
010670@bk.ru

The article examines the concepts MOTHER, FATHER, CHILDREN in the context of the Kuban phraseology. The research objective is to identify the conceptual content of these concepts as well as the extended meanings of lexemes-representatives and to reveal their role in relation to the category “the native – the outsider”. Scientific originality of the study lies in the fact that the problem of verbalization of the concepts MOTHER, FATHER, CHILDREN in the Kuban phraseological fund has not been previously investigated. The author concludes about regional specificity of concepts phraseological representation and considers their place within the dichotomy “the native – the outsider”.

Key words and phrases: linguistic worldview; concept; conceptual feature; extended meaning; Kuban phraseology; phraseological unit; lexeme; lexico-semantic variant.